

ЯЗЫКОВОЕ ИЗМЕНЕНИЕ И ПРОБЛЕМЫ ДИАХРОНИЧЕСКОЙ ФОНОЛОГИИ (I)

А. СТЕПОНАВИЧЮС

I. Поворотные моменты в истории диахронического языкознания

Генетическая гипотеза

В истории языкознания легко выделить некоторые поворотные моменты, знаменующие начало отдельных лингвистических направлений и школ [ср. Fries 1964, 37; Hockett 1965, 185 и сл.]. Зарождение сравнительно-исторического языкознания связано с деятельностью Вильяма Джоунза и работами Франса Боппа („О системе спряжения санскритского языка в сравнении с таковым греческого, латинского, персидского и германского языков“, 1816 г. и „Сравнительная грамматика санскрита, зенда, армянского, греческого, латинского, литовского, старославянского, готского и немецкого“ в трех томах, 1833–1852 гг.), Расмуса Раска („Исследование в области древнесеверного языка, или происхождение исландского языка“, 1818 г.), Якоба Гримма („Немецкая грамматика“, 1819–1837 гг.), А. Х. Востокова („Рассуждение о славянском языке“, 1820 г. и „Русская грамматика Александра Востокова, по начертанию его же сокращенной грамматики полнее изложенная“, 1831 г.) см. Блумфилд 1968, 28–29; Звегинцев 1960, I, 25–27; Jespersen 1949, 32–83; Hockett 1965, 185–186]. Это период исследования родства языков, явившийся началом исторического языкознания. Правда, сама идея изменчивости языка тогда уже была отнюдь не нова [Блумфилд 1968, 379; Weinreich 1968, 104]. Однако лишь в XIX в., когда, по выражению Хоккета, была выдвинута генетическая гипотеза, изыскания в истории языков приобрели черты подлинной науки. Эта гипотеза объясняла генетические отношения языков. В частности, сходства между индоевропейскими языками уже не рассматривались лишь как простая случайность, как результат конвергенции или как следствие взаимного влияния. Причину сходства стали видеть в первую очередь в общем происхождении этих языков. Джоунз, например, говорил: „Санскритский язык, какова бы ни была его древность, отличается удивительной структурой; он совершеннее греческого, богаче латинского и превосходит и тот, и другой своим изяществом; тем не менее сходство его с обоими — как в корнях слов, так и в

формах грамматики — слишком велико, чтобы оно могло возникнуть случайно; оно действительно столь велико, что ни один филолог, изучающий три этих языка, не может усомниться в том, что они возникли из общего источника, возможно уже не существующего. Можно с подспынным же основанием, хотя и с меньшей уверенностью, предполагать, что готский [т. е. германские языки. — А. С.] и кельтский суть общего происхождения с санскритом; к этой же семье можно причислить и древнеперсидский“ [цит. из: Jespersen 1949, 33—34; здесь и в других местах, где приводятся ссылки на иностранный оригинал, цитаты даны в переводе автора статьи. — А. С.].

Идея генетических отношений между языками не была чужда еще Фридриху Шлегелю, который также был поражен сходством между санскритом и наиболее известными языками Европы [см. Jespersen 1949, 34—35]. Он привел целый ряд слов из санскрита, которые почти в точности соответствуют словам немецкого, греческого и латинского языков. Шлегель исключал возможность, что такие сходства могли быть случайными или что они могли появиться в результате заимствования, указывая, что доказательством генетической общности этих языков служат далеко идущие соответствия во всей их грамматической структуре. Интересно отметить, что именно он первым начал говорить о „сравнительной грамматике“.

Конечно, многие воззрения на генетические отношения языков оставались тогда еще туманными или были попросту неверны. Раск, например, отождествлял исландский с древнескандинавским, так как, по его воззрениям, языки могут находиться не только на разном удалении от праязыка, но и оставаться тождественными ему [Percival 1970, 262]. Источником древнескандинавского, в свою очередь, он считал греческий и латинский [см. Звегинцев 1960, I, 44—45].

Генетическая гипотеза объясняла не только сходства языков, но и их различия, многие из которых сводились к рядам регулярных соответствий. Регулярность соответствий со всей ясностью была показана Раском при анализе германских согласных. Именно Раском были установлены соответствия, лат., греч. *p* = герм. *f*, лат., греч. *t* = герм. *þ* (*th*), лат., греч. *k* = герм. *h* и т. д. На основе соответствий, установленных Раском, Гримм смог сформулировать в 1822 г. свой знаменитый перебой согласных (*Lautverschiebung*), который впоследствии Максом Мюллером был назван „законом Гримма“ [Jespersen 1949, 43—46]. Формула соответствий, данная Гриммом, имела большое значение для разработки понятия звукового перехода („звукового закона“) вообще.

Принцип регулярности соответствий и переходов стал основой метода реконструкции, который известен как сравнительный метод. Разработка

этого метода способствовала тому, что реконструкция более ранних и письмен- но не засвидетельствованных этапов развития языка стала осознаваться как первейшая задача лингвистического исследования. Большая заслуга в этом принадлежит Августу Шлейхеру, который в „Компендии“ попытался дать реконструкции индоевропейских гласных, согласных, корней, основ, скло- нений, спряжений. Кстати, сбывай отмечать звездочкой реконструированные формы был введен как раз Шлейхером [Jespersen 1949, 81].

Гипотеза „звуковых законов без исключений“

Вторым поворотным пунктом в истории языкознания можно считать соз- дание в 70-ых годах XIX столетия младограмматиками гипотезы, которая гласила: „Звуковые законы действуют без исключений“. Это означало, что одинаковые звуки (или классы звуков) в тех же самых фонетических условиях и в пределах того же самого периода и той же самой территории изменяются одинаково [Jespersen 1933, 160–161].

Приоритет в формулировании гипотезы „звуковых законов без исклю- чений“ принадлежит Карлу Вернеру. В 1872 г. он предложил руководствоваться в компаративистских изысканиях обратным афоризмом: „Нет исключения без правила“ [Hockett 1965, 187]. А в своем „Исключении из первого перебоя согласных“ („Eine Ausnahme der ersten Lautverschiebung“) он заменил его выражением: „Нерегулярность должна подчиняться правилу; нужно лишь это правило найти“. В 1875 году Вильгельм Шерер (Wilhelm Scherer) пи- сал: „Изменения звуков... происходят согласно строгим законам, не подвер- гающимся никаким другим нарушениям, которые в свою очередь не были бы регулярными“ [Wechssler 1900, 422]. Свою классическую формулировку этот тезис младограмматиков получил в 1876 г. у Августа Лескина, который писал, что „звуковые законы не допускают никаких исключений“ [Leskien 1876, XXVIII, I; Jespersen 1949, 93]. Та же самая мысль почти в той же самой формулировке была повторена в 1878 г. Карлом Бругманном и Германном Остгоффом: „Каждое звуковое изменение, протекая механически, происходит согласно законам без исключений, т. е. звуковой сдвиг у всех представителей той же самой языковой общности (Sprachgenossenschaft) всегда, за исклю- чением случаев диалектального раздробления, происходит в том же самом на- правлении, и все слова, в которых подверженный изменению звук находится в идентичных условиях, без исключения претерпевают изменения“ [Osthoff, Brugmann 1878, XIII]. Каспар Роггер подобные формулировки считал тавто- логическими и предлагал ограничиваться такими общими выражениями, как

„имеются звуковые законы“, или „звуковые изменения протекают закономерно“ [Rogger 1934, 5]¹.

„Звуковой закон“ в разное время разными учеными понимался с различной строгостью. Прежде всего следует иметь в виду, что различали собственно звуковое изменение (нем. Lautwandel), заимствование и аналогию; действие „законов без исключений“ обычно ограничивали [собственно звуковыми изменениями]. В последние десятилетия прошлого века и первые десятилетия нашего века полемика велась главным образом относительно возможности исключений из этих законов. Обычно говорили, что сами звуковые законы не имеют исключений, но тут же признавали, что исключения могут появиться в результате смещения диалектов, аналогии или ввиду каких-то других причин. Что исключения появляются в результате смещения диалектов, признавали такие ученые, как германисты Фрингс (Th. Frings) и Карстин (C. Karstien) [Hermann 1931, 27–28]. Бругманн указывает следующие причины мнимых, по его мнению, исключений из звуковых законов: заимствование инодиалектальных и иноязычных форм; аналогические образования; появление определенных звукосочетаний уже после того, как перестал действовать звуковой закон, ранее подвергавший подобные звуки изменению; одновременное действие двух законов и т.п. [Wechsler 1900, 424–425]. Но даже в 1934 г. Роггер придерживался точки зрения, что звуковые законы действуют без исключений везде, в том числе и при заимствовании [ср. Rogger 1934, 29–30]. Эдуард Германн, с другой стороны, оставаясь по сути дела младограмматиком², отбросил тезис о непреложности звуковых законов и признавал лишь регулярность изменений [ср. Hermann 1931, 47–48].

Сегодня понятие звукового закона, без сомнения, уже устарело. Оно было выдвинуто как догма, и, конечно, не могло полностью заменить хорошо теоретически обоснованной и практически проверенной общей теории звуковых изменений. Создать общую теорию развития языка можно лишь при до-

¹ Сам термин „звуковой закон“ (или его варианты) был известен еще до младограмматиков. Гумбольдт еще в 1826 г. говорил о „фонетических законах“ (Phonetische Gesetzen). Бопп употреблял термины „законы (или „правила“) благозвучия“ и, наконец, „звуковой закон“ (Lautgesetz) — впервые в 1824 г., а последовательно с 1829 г. Последним термином пользовался и Шлейхер. Конечно, их понимание звукового закона отличалось от младограмматического. Так, Шлейхер, в своем понимании истории языка исходивший из учения Гумбольдта о двух периодах жизни языка, под звуковыми законами понимал те общие закономерности, согласно которым в исторический период „разрушаются“, как он считал, все языки [см. Wechsler 1900, 392–400, 409].

² Германн к некоторым положениям младограмматиков относился критически, однако понятие системы ему чуждо и его анализ остается атомистическим. С учением фонологов он был знаком лишь очень поверхностно [см. Hermann 1931, 49, сноска 1].

статочно хорошо разработанной теории о том, что представляет собой язык вообще. Но такую теорию еще предстояло создать. Это, как видно, уже вначале осознавали и сами младограмматики. Когда мы читаем призыв Бругманна выйти на „чистый воздух осязаемой действительности сегодняшнего дня“, то вряд ли это следует понимать лишь как призыв изучать, как языки сегодня меняются. Одновременно это был и призыв к изучению того, как языки функционируют и как они устроены. Сама научная практика того времени подтверждает правильность такого предположения. Ведь именно в период господства младограмматизма зарождается новая наука — экспериментальная фонетика. Она создавалась усилиями Эдуарда Сиверса (Eduard Sievers) в Германии, Генри Суита (Henry Sweet) в Англии, Й. А. Лунделла (J. A. Lundell) в Швеции, Енса Отто Гарри Есперсена (Jens Otto Harry Jespersen) в Дании и Пьера-Жана Руссло (Pierre-Jean Rousselot) во Франции, а также деятельностью многих других лингвистов [Hockett 1965, 192]. Революционное значение экспериментальной фонетики трудно переоценить. В ней была разработана техника исследования и методика описания звуков речи с артикуляционной и акустической точки зрения. Системное описание звуков в артикуляционных и акустических терминах постепенно подготавливало почву для возникновения фонологии. Однако непосредственный эффект фонетики для прогресса исторического языкознания не был значительным. Можно даже сказать — хотя это и звучит парадоксально, — что фонетические исследования в то время даже несколько запутывали понимание звукового развития. Фонетика экспериментальным путем фиксировала разнообразие артикуляционных движений и акустических эффектов, из-за чего (при отсутствии структурного и функционального понимания языка) терялась идея дискретности звуков и становились непонятными звуковые переходы [ср. Hockett 1965, 192]. В этом смысле ранняя компаративистика иногда кажется ближе к современному языковедению, чем младограмматизм [ср. Стеблин-Каменский 1966, 4–5]. В период господства младограмматизма возникла также и лингвистическая география, что тоже можно рассматривать как попытку найти подтверждение младограмматическому „закону без исключений“ в материале живых языков [ср. Grosse 1970, 67]. Однако тогда и материал диалектов сам по себе в истории языка мог мало что объяснить. И все-таки нужно признать, что младограмматический тезис „законов без исключений“ в развитии диахронического языкознания сыграл важную роль. Именно этот тезис помогал обнаруживать регулярность и, можно даже сказать, системность звуковых изменений. Интересно отметить, что этой регулярности не отрицали даже критики младограмматиков, например, Шухардт [ср. Шухардт 1950, 46]. Таким образом, принцип регулярности был общепри-

знанным принципом диахронического языкознания конца XIX — начала XX в. И главная заслуга в утверждении этого принципа принадлежит младограмматикам [ср. Стеблин-Каменский 1966, 11–12].

Структурные теории языка

Третьим поворотным пунктом в истории языкознания вообще и диахронического языкознания в частности было возникновение структурных теорий о языке. Основой структурных теорий является идея системности языка. Как известно, классическое определение „Язык — система знаков“ принадлежит Фердинанду де Соссюру [см. Соссюр 1933, 39–41]. Правда, определение языка как системы было обычным уже в 80-ых годах XIX столетия [McMillan 1964, 33]. Однако тогда термин „система“ обычно означал лишь какой-то инвентарь, например, звуковой инвентарь языка. Соссюр, вводя понятия знака и отношения (синтагматического и ассоциативного, или парадигматического), учению о системе придал твердую научную основу. Разграничив синхронию и диахронию, он помог сосредоточить внимание на чисто синхроническом изучении языка. Это в конечном счете способствовало развитию и диахронического языкознания.

Когда говорят об основоположниках структурализма, особенно фонологии, то наряду с именем Соссюра, упоминаются имена И. А. Бодуэна де Куртенэ, Эдварда Сепира, Леонарда Блумфилда, Даниэла Джоунза, Н. С. Трубецкого и Романа Jakobsona.

Хотя звуковая сторона языка и не была основной областью изысканий Соссюра, в „Курсе общей лингвистики“ фонеме отведено не так уж мало места. Принципиальное значение имело указание Соссюра, что фонемы определяются не собственно им присущими качествами, а лишь противопоставлением друг другу и относительными качествами: „фонемы... взаимно противопоставлены, взаимно относительны и взаимно отрицательны“ [Соссюр 1933, 118].

Фонемы противопоставлены друг другу одним или несколькими звуковыми признаками, выраженными в артикуляционных или акустических терминах: голосом, количеством, огубленностью, придыханием и т.п.

Поэтому Jakobson в 1932 г. предложил определять фонему как набор, или пучок, дистинктивных признаков (в терминологии Соссюра — „дифференциальных элементов“: „*éléments différentiels*“)³ [см. Jakobson 1962, 231;

³ Как известно, еще в XIX в. был разработан универсальный метод описания звуков с точки зрения их артикуляции. Звуки любого языка стали описываться с помощью ограниченного числа артикуляционных параметров. Для согласных такими параметрами были место образования шума и способ образования. К этому еще следует добавить состояние го-

1971, 105]. Осознание того, что некоторые звуки (или звуковые различия) служат словоразличению, а другие нет, заставило признать два уровня звукового анализа: фонетический уровень реально встречаемых звуков и фонологический уровень структурного и функционального использования звуковых различий. Так с учением о фонеме была восстановлена идея дискретности звуковых единиц: фонема как пучок дистинктивных признаков дискретна, инвариантна, хотя ее реализации могут быть разные. Понятие фонемы как единицы, содержание (т.е. дистинктивные признаки) которой выводится из фонологических оппозиций, с самого начала определило большой интерес к исследованию самих оппозиций. К проблеме оппозиций, особенно к проблеме их классификации, известны два основных подхода: один восходит к Трубецкому, другой — к Jakobsonу. Первые опыты Трубецкого классифицировать фонологические оппозиции относятся к 1936 году. Развернутую классификацию он дал в „Основах фонологии“ [Трубецкой 1960, 73—99].

Трубецкой выдвинул три критерия классификации оппозиций: 1) по их отношению к другим оппозициям в той же системе; 2) по отношениям между членами самой оппозиции; 3) по их действительности в разных позициях. Отношения здесь, конечно, не могут определяться ничем другим, кроме как дистинктивными признаками. Любая оппозиция, как указывает Трубецкой, предполагает не только различие в признаках, но обязательно и общность некоторых признаков („основание для сравнения“).

Пожалуй, лучше всего было бы начать с классификации, основанной на логических отношениях между членами оппозиций, как наиболее элементарной и в то же самое время очень важной с точки зрения функционирования системы. Отношения между членами оппозиций и в то же время сами оппозиции определяются Трубецким как привативные, градуальные и эквивалентные. В фонологических исследованиях наибольшее распространение получило снятие привативной оппозиции и связанное с последним понятие маркированности. Привативной называется оппозиция, один член которой характеризуется положительно выраженным признаком („звонкий“, „назализованный“, „лабиализованный“ и т.д.), а другой — отрицательно выраженным признаком („незвонкий“, „неназализованный“, „нелабиализо-

вальной щели. Гласные характеризовались и классифицировались по трем параметрам: по положению и подъему языка и по участию губ. Раньше же звуки описывались в самых разнообразных, чаще всего метафорических выражениях, таких, как толстые, тонкие, полные, пустые, острые и т. д. [Ellis 1869, I, 23]. Установление общепринятого инвентаря фонетических признаков помогло в значительной мере систематизировать описание звуков. Создателям фонологии осталось „лишь“ осознать, что такие установленные младограмматиками характеристики звуков могут быть, в зависимости от языка, дистинктивными и недистинктивными.

ванный“ и т.д.). Член с положительно выраженным признаком называется маркированным, а с отрицательным — немаркированным. Градуальной Трубецкой называет оппозицию, члены которой противопоставлены различной степенью одного и того же признака. Это противопоставления типа $/i/ - /e/ - /æ/$, $/y/ - /ö/$, $/u/ - /o/ - /a/$. Эквиполентной называется оппозиция, оба члена которой логически равноправны, так как не являются ни двумя степенями какого-то признака, как в случае градуальных оппозиций, ни утверждением или отрицанием признака, как в случае привативных оппозиций. В качестве примеров эквиполентных оппозиций Трубецкой приводит противопоставления немецких $/p/ - /t/$, $/f/ - /k/$, отмечая при этом, что эквиполентные оппозиции — самые частые.

Отношение какой-нибудь отдельной оппозиции ко всем другим оппозициям того же языка определяется двумя способами. Во-первых, устанавливается, является ли совокупность признаков, общих для обоих членов оппозиции (т.е. „основание для сравнения“), исключительной принадлежностью лишь этих фонем или данная совокупность обнаруживается и в других фонемах. Когда основание для сравнения присуще только двум фонемам, оппозиция этих фонем классифицируется как одномерная; когда же основание для сравнения не ограничивается двумя фонемами, оппозиция классифицируется как многомерная. Примеры одномерных оппозиций представляют немецкие $/b/ - /p/$, $/d/ - /t/$, $/g/ - /k/$, так как присуще первой паре губная, второй — дентальная, третьей — гуттуральная смычки входят в основание для сравнения лишь этих пар. Немецкие $/b/ - /d/$, с другой стороны, могут служить примером многомерной оппозиции, так как слабая смычка, являющаяся основанием для их сравнения, присуща также и $/g/$.

Во-вторых, классифицируя оппозицию по ее отношению к другим оппозициям, важно установить, тождественны или нет отношения между ее членами отношениям между членами каких-нибудь других оппозиций. При тождественности отношений оппозиция классифицируется как пропорциональная, в противном случае — как изолированная. В немецком языке пропорциональными являются оппозиции $/b/ - /p/$, $/d/ - /t/$, $/g/ - /k/$ и т.п., изолированными — $/r/ - /l/$, $/p/ - /š/$ и т.п.

Трубецкой установил, что в любой системе многомерные и изолированные оппозиции значительно многочисленнее одномерных и пропорциональных.

С точки зрения действительности в различных позициях противопоставления делятся Трубецким на постоянные, которые не зависят от позиции, и нейтрализуемые, которые в определенных позициях снимаются.

Классификация Якобсона основана на принципе бинарности. Принцип обязательной бинарности языковых отношений был впервые сформулирован Якобсоном в 1938 г. [см. Jakobson 1962, 272–279; Булыгина 1964, 66]. В дальнейшем так называемая дихотомическая фонология разрабатывалась не только самим Якобсоном, но и его многочисленными последователями, прежде всего Г. М. Фантом и М. Халле. Здесь устанавливается универсальный набор основных противопоставлений, основанных на бинарных признаках [см. Якобсон, Фант, Халле 1962, 177–219; Якобсон, Халле 1962, 254–258; Halle 1957, 67–71; Halle 1964, 325–327]. Из этого универсального списка каждый язык „выбирает“ нужные ему противопоставления. Как указывают Якобсон и Халле, многие дистинктивные признаки этой системы традиционны. Такими являются признаки назализованный – неназализованный (*nasalized – non-nasalized*), звонкий – глухой (*voiced – voiceless*), а также диезный – простой (*sharp – plain*), соответствующие традиционным палатальный-непалатальный и глоттализованный – неглоттализованный (*checked – unchecked*). Несомненный интерес представляет установленный Якобсоном факт, что некоторые признаки в том же языке и в той же подсистеме одновременно не функционируют. Такие признаки рассматриваются как функционально тождественные, что позволяет оперировать со значительно меньшим числом дистинктивных признаков. Так новые термины *бемольный – простой (flat – plain)* покрывают традиционные термины фарингализации, ретрофлексии, лабиализации; термины *напряженный – ненапряженный (tense – lax)* покрывают не только традиционные термины напряженный – ненапряженный, но и термины аспирированный – неаспирированный, *сильный (fortis)*, *слабый (lenis)*. Признаки *компактный – некомпактный (compact – non-compact)* и *диффузный – недиффузный (diffuse – non-diffuse)* позволяют в бинарных терминах описать противопоставления гласных по подъему языка. Закрытые гласные характеризуются как диффузные и некомпактные; открытые – как компактные и недиффузные; гласные среднего подъема – как некомпактные и недиффузные. Признаками компактный – некомпактный описываются также различия согласных с точки зрения места артикуляции: лабиальные и дентальные описываются как некомпактные, палатальные, веларные, гуттуральные и т.д. – как компактные. Признаки *низкий – высокий (grave – acute)* отличают передние гласные от задних, а также лабиальные и постпалатальные согласные от дентальных и палатальных.

Вводя оппозиции *вокалический – невокалический (vocalic – non-vocalic)* и *консонантный – неконсонантный (consonantal – non-consonantal)*, авторы бинарной системы дистинктивных признаков пытаются точ-

нее определить отношения между гласными, согласными, плавными и глайдами (такими, как /w/ или /j/). Признаки вокалический—невокалический отличают гласные и плавные от согласных в узком значении слова и от глайдов; признаки консонантный—неконсонантный отличают согласные и плавные от гласных и глайдов. Другими словами, гласные характеризуются как вокалические и неконсонантные, согласные — как консонантные и невокалические; плавные — как вокалические и консонантные, глайды — как консонантные и невокалические. Во многом сходным образом определяются различия между смычными, аффрикатами и фрикативными. Признаками непрерывный—прерывный (continuant—interrupted) различные типы непрерывных (фрикативных) противопоставлены смычным и аффрикатам, которые классифицируются вместе. Признаки резкий—нерезкий (strident—mellow) отличают аффрикаты от собственно смычных. Фрикативные большей частью резкие, но также возможны и нерезкие. В английском языке, например, резким фрикативным /s z/ противопоставлены нерезкие фрикативные /θ ð/.

* * *

Новые идеи и методы синхронического языкознания не могли не отразиться на развитии диахронического языкознания. Сам Соссюр всегда подчеркивал наличие естественной связи между синхронией и диахронией [Блумфилд 1968, 33; Lehmann 1968, 5]. Однако его понимание диахронии, хотя оно и представляло собой некоторый отход от многих положений младограмматизма, оставалось доструктурным⁴. Он не в состоянии был совместить системный характер языка с изменениями, которые язык претерпевает в ходе времени [Vachek 1966, 20]. К идее создания структурного диахронического языкознания многие ученые относились скептически не только в 20—40-ых, но даже и в 50-ых годах [ср. Galton 1954, 20—30, особенно 25—30; Collinge 1956, 110—128; Allen 1953, 52—108, особенно 71 и сл.]. С другой стороны, некоторые ученые уже в 20—30-ых годах начали осознавать первостепенную роль системных факторов в развитии языка. Трубецкой еще в 1925 г. говорил о „внутренней логике, характерной для звуковых законов, действующих в развитии языка“ [Vachek 1968, 7]. А в тезисах, предложенных второму

⁴ Соссюр видел языковые изменения лишь на звуковом уровне. В грамматике он отмечал лишь действие аналогии, которую он считал синхроническим процессом. О семантических изменениях он почти не говорил. Поэтому в соссюрском понимании диахроническая фонология (в его терминологии — „фонетика“) почти равнозначна диахроническому языкознанию вообще. Кстати, термином „фонология“ Соссюр обозначал те области исследований, которые сейчас обычно называют экспериментальной фонетикой и синхронической фонологией [Lehmann 1968, 9—12].

Международному конгрессу лингвистов в Женеве, он писал: „Так как свойства фонемы неразрывно связаны с ее положением в фонологической системе, изменение какой-нибудь фонемы одновременно является изменением в структуре фонологической системы, а изменение структуры системы — это одновременно и изменение свойств фонемы. Поэтому звуковое развитие („Lautgeschichte“), рассматриваемое с фонологической точки зрения, всегда представляет собой перестройку фонологической системы. Это создает новую, целостную установку звукового развития, которая резко противостоит более ранней, атомистической установке. Благодаря этому звуковое развитие поддается осмыслению, в то время как при старой установке оно в сущности представлялось чем-то бессмысленным. И так как понятие фонемы как звукового намерения и смыслоразличительного средства уже заключает в себе момент целенаправленности, при рассмотрении звукового развития с фонологической точки зрения должен учитываться телеологический момент, что при более раннем фонетически ориентированном подходе было невозможно“ [Actes... 1933, 110].

О том, что история языка представляет собой развитие языковой системы, декларировали такие лингвисты, как Роггер [Rogger 1934] и Вартбург [Wartburg 1939]. Роггер, например, совершенно справедливо рассуждал, что само признание системы означает, что не всякий звук может изменяться самостоятельно, что направление изменения обуславливается всей звуковой системой и что изменение звука, со своей стороны, отражается на системе [Rogger 1934, 144]. На практике, однако, как для Роггера, так и для Вартбурга принципы диахронической фонологии оставались непонятными. Главная заслуга в разработке теоретических принципов диахронической фонологии и приоритет практического применения этих принципов принадлежит Якобсону [Vachek 1966, 20–21; 1967, 80]. В 1929 г. он опубликовал целую монографию, посвященную проблемам диахронической фонологии русского языка. Это была его работа „Заметки о фонологической эволюции русского языка в сравнении с другими славянскими языками“ („Remarques sur l'évolution phonologique du russe comparée à celle des autres langues slaves“) [см. Jakobson 1962, 7–116]. Первые и последние главы монографии содержат общие положения о звуковых изменениях, которые сохраняют свое значение и теперь [см. Jakobson 1962, 16–23, 104–111]. Здесь он критически подошел к сосюревской концепции диахронии. Сосюр исключал всякую возможность одновременно изучать отношения во времени и отношения в системе [ср. Сосюр 1933, 88]. Если данное положение в общем можно признать правильным по отношению к синхронии, то оно не является правильным по отношению к диахронии. Поэтому в противоположность те-

зису Соссюра, Якобсон, как и Трубецкой, требовал изучать любое изменение в языке с учетом всей системы этого языка [ср. Jakobson 1962, 19, 23, 106, 232].

Согласно соссюрвской концепции, изменения языка оказывают лишь разрушительное действие на его структуру, хотя, с другой стороны, согласно той же концепции, язык должен сохранить свой системный характер во все времена и при всех условиях. Обратив внимание на противоречивость соссюрвской концепции, Якобсон, со своей стороны, указал на терапевтическую роль языковых изменений. Как пишет Вахек [Vachek 1966, 21], основная идея Якобсона заключается в том, что язык постоянно стремится достичь определенного равновесия своих элементов, т.е. определенного порядка элементов системы. Если это равновесие оказывается нарушенным, срабатывает механизм языковых изменений и равновесие восстанавливается. Однако такое изменение, хотя оно и устраняет структурные дефекты в одной части системы, может ослабить равновесие в другой части системы, из-за чего произойдет новое изменение, и так до бесконечности.

Так уже первые работы по диахронической фонологии очень наглядно показывают некоторые отличительные черты нового метода исследования истории языка. В диахронической фонологии меняются задачи исследования. Первостепенной становится реконструкция не отдельных фактов, а целых систем. Кроме того, понятие фонологической системы используется для объяснения звуковой эволюции языка. Указание на системную обусловленность звуковых изменений обычно считается важнейшим открытием диахронической фонологии. Поэтому и раскрытие действия структурных факторов иногда считается основной задачей любого диахронического исследования. При всей важности исследования причин изменений, в том числе и причин, кроющихся в структуре языка, задачи системной реконструкции следует, однако, всегда считать важнейшими. А успех реконструкций во многом зависит от умения классифицировать изменения по тому, как они отражаются на системе языка. Поэтому вторая часть данной статьи и посвящена вопросу классификации. И лишь после этого можно будет перейти к рассмотрению таких вопросов, как механизм изменений, их причинная обусловленность и т.п. [ср. Lehmann 1964, 659].

II. Классификация звуковых изменений

Примеры фонологических классификаций

Якобсон в 1930 г. в своей работе „Принципы исторической фонологии“ [см. Jakobson 1962, 202—220] предложил звуковые изменения в первую очередь подразделять на фонологические (нем. *phonologisch*; фр. *phonolo-*

gique), затрагивающие систему, и нефонологические (нем. *ausserphonologisch*, фр. *extraphonologique*), не затрагивающие системы. В качестве примеров изменений, не затрагивающих фонологической системы, он приводит случаи появления и исчезновения комбинаторных реализаций фонем, а также случай, который, по-видимому, можно рассматривать как изменение общей реализации фонем⁵. Якобсон выделяет три типа фонологических изменений: 1) дефонологизацию (нем. *Entphonologisierung*; фр. *dephonologisation*), устраняющую фонологическую оппозицию; 2) фонологизацию (нем. *Phonologisierung*; фр. *phonologisation* или *valorisation phonologique*), порождающую фонологическую оппозицию и 3) перефонологизацию (нем. *Umphonologisierung*; фр. *rephonologisation* или *revalorisation phonologique*), при которой старая фонологическая оппозиция заменяется новой [Jakobson 1962, 202–212]. Кроме изменений в системе („инвентаре фонем“), Якобсон упоминает изменения в сочетаниях фонем, в их частотности [Jakobson 1962, 212–213]; отдельно оговариваются случаи: 1) расщепления (синтагматического) одной фонемы в группу фонем и 2) слияния (синтагматического) группы фонем в одну фонему [Jakobson 1962, 213–215].

Поливанов разделяет звуковые („фонетические“) изменения на два основных типа: „(1) изменения, происходящие в составе самой системы фонетических представлений, причем изменяется число элементов этой системы; (2) изменения в фонетическом составе отдельных слов (состоящих из последовательного ряда элементарных фонетических представлений) или в составе отдельного фонетического представления (одного из элементов системы), не затрагивающие общий состав и число элементов всей системы“ [Поливанов 1968, 62]. Изменения, происходящие в составе фонологической системы, характеризуются Поливановым как явления фонетической конвергенции и дивергенции [Поливанов 1968, 63]. Фонетической дивергенцией называется явление, при котором „различные случаи одного и того же (с точки

⁵ Последний случай он иллюстрирует следующим примером: „В некоторых диалектах русского языка ударный вокализм состоит из семи фонем. Один из этих диалектов имеет следующую систему ударных гласных:

$$\begin{array}{cc} \text{uo} & \text{ie} \\ \text{u} & \text{i} \end{array}$$

В других диалектах того же типа на месте uo, ie появляются закрытые гласные o, e, что представляется вторичным явлением: o, e занимают в системе то же самое место, что и uo, ie. В связи с заменой одной пары гласных другой, в фонологической системе ничего не изменяется“ [Jakobson 1962, 204].

зрения старшего поколения) звукопредставления распределяются младшим поколением между двумя принципиально различными звукопредставлениями, благодаря чему, следовательно, число различаемых в языке звукопредставлений увеличивается“. Фонетической конвергенцией называется явление, при котором „два представления, бывших принципиально различными в языке старшего поколения, отождествляются младшим поколением“. Среди конвергенций различаются три типа [Поливанов 1968, 67–70]:

I. Конвергенции, в которых рефлекс равен одному из конвергентов.

IIa. Конвергенции, в которых рефлекс не равен ни одному из конвергентов и представляет собой комбинацию характеристик каждого из них.

IIб. Конвергенции, в которых гибридный характер рефлекса обнаруживается в его комбинаторных вариантах. Иначе можно было бы сказать, что в данном случае первоначально две разные фонемы становятся аллофонами одной фонемы.

Гроот [Groot 1948, 176] звуковые изменения классифицирует на три следующих типа:

A. Изменения словоформ (*changes of word-forms*), которые он еще иначе называет (диахроническими) фонетическими законами. Это изменения фонем в словоформах, примерами которых для Гроота служат латинские изменения $s > r$ между гласными („ротацизм“), изменения $\bar{o} > \bar{\rho}$, $\bar{\sigma} > \bar{\rho}$, $\bar{e} > \bar{\rho}$, $\bar{e} > \bar{\rho}$ и т.д., а также изменения дифтонгов $ai > ae$, $oi > oe$, $ei > \bar{i}$, $ou > \bar{u}$, $eu > \bar{u}$ „во всех словах во всех позициях“.

B. Изменения фонем (*changes of phonemes; phoneme changes*). В качестве примеров Гроот дает изменения фонем $\bar{o} > \bar{\rho}$, $\bar{\sigma} > \bar{\rho}$, $\bar{e} > \bar{\rho}$, $\bar{e} > \bar{\rho}$ и т.д. в латинском, а также исчезновение фонем ai , oi , ei , ou , eu и появление ae , oe .

C. Изменения фонемных систем (*changes of phoneme systems*), или иначе структурные изменения (*structure changes*). Это смена структур, подобная той, которая произошла в системе латинских дифтонгов, когда система со структурой

заменяется системой

ae au

Здесь же Гроот различает изменения, связанные с определенной позицией в словоформах, и изменения, независимые от позиции. Данное деление, естественно, относится лишь к изменениям словоформ. Гроот, кроме того, установил определенную иерархическую взаимозависимость трех вышеназванных типов изменений: словоформы могут изменяться, не вызывая изменения в фонемах, обратное, однако, невозможно; фонемы могут изменяться,

не оказывая влияния на структуру системы, обратное опять-таки невозможно [Groot 1948, 177]. Формулируя ту же самую мысль несколько по-другому, Гроот говорит, что любое изменение в фонемах или в структуре системы обязательно подразумевает изменение словоформ. Изменения словоформ всегда предшествуют другим изменениям [Groot 1948, 177–178].

Хоккет [Hockett 1967, 380–385] ясно указывает, что в классификации филогенетических изменений он исходит из того, какая подсистема или подсистемы подвергаются изменению. Он рассматривает язык как систему, состоящую из центра и периферии. Центр состоит из фонематической, грамматической и морфологической систем; периферия – из семантической и фонетической систем. Соответственно различаются центральные (central) и периферийные (peripheral) изменения. Центральные изменения, кроме грамматических, включают фонематические (phonemic change), определяемые как изменения в составе фонем или в их распределении, и изменения в морфологической системе (change in the morphophonemic system). Последние распадаются на изменения формы (shape change), т.е. изменения в фонемной репрезентации морфем, и изменения чередования (alternation change). Периферийные изменения, кроме семантических, включают и фонетические (phonetic change). Фонетические изменения характеризуются как изменения в навыках произношения и восприятия. Они подразделяются на просто звуковые (sound change) и резкие звуковые изменения (sudden sound change). Звуковые изменения градуальны. Резкие изменения – это заимствование звуков, которое в действительности представляет собой резкое изменение произношения.

Мартине [1960, 227–247] проводит свою классификацию звуковых изменений с функциональной точки зрения. Он различает: „1) изменения, которые не приводят ни к расширению, ни к сужению различительных возможностей языка, 2) фонологические слияния, 3) изменения, ведущие к увеличению числа различительных единиц“. По сути дела, такая классификация мало чем отличается от классификаций, основанных на структуре. Второй и третий типы Мартине в точности соответствуют дефонологизации и фонологизации Якобсона. Разница лишь в том, что чисто фонетические изменения („нефонологические изменения“ Якобсона) и изменения во внутренних отношениях оппозиций („перифонологизация“ Якобсона) оказываются у Мартине включенными в один общий тип – в тип изменений, не затрагивающих различительных возможностей языка.

Пенцл от „подлинных“ звуковых изменений („phonemic changes“) прежде всего отграничивает изменения, которые он называет дистрибуционными (distributional) [Penzl 1957, 193]. Это спорадические изменения в фонемном

составе морфем, происходящие в результате ассимиляции или диссимиляции (например, нем. *Tölpel* „деревенщина“ < *dörpel* < *dörper*; *Welt* „мир“ < < *werlt*), метатезы (нем. *Wespe* „оса“ < *wefse*, *webse*, *wespe*) и т.п. „Подлинно“ фонемное изменение определяется им как „звуковое изменение, которое постепенно затрагивает различительные признаки фонем, их общую дистрибуцию и структуру или их аллофонное варьирование [Penzl 1957, 194]. Таких изменений Пенцл различает 6 типов: 1) сдвиг; 2) слияние; 3) расщепление; 4) монофонемизацию; 5) дифонемизацию; 6) потерю [Penzl 1957, 194 – 197].

Фонемный сдвиг (The Phonemic Shift) Пенцл определяет очень неясно: „Фонемный сдвиг заключается в изменении фонемы определенного звукового типа в фонему другого звукового типа. Любой сдвиг может повлечь за собой целую серию взаимосвязанных изменений, но перестройка модели может также не выходить за рамки какого-нибудь аллофонного варьирования, который исторически не восстановим“. Как можно понять из определения, здесь речь идет не только об изменениях фонем, но и о чисто фонетических изменениях. Под термином фонемное слияние (The Phonemic Merger) Пенцл понимает слияние двух фонем во всех положениях или лишь в определенном фонетическом окружении. Первый тип слияния он традиционно называет необусловленным изменением (unconditioned change), второй тип – обусловленным (conditioned change). По поводу результатов фонемного слияния Пенцл говорит, что слияние может означать сохранение лишь одной из двух ранее противопоставлявшихся единиц или появление вообще нового типа. Фонемным расщеплением (The Phonemic Split) Пенцл называет появление двух фонем из аллофонов одной фонемы. Поэтому он все расщепления отождествляет с фонологизацией, как этот термин понимал Якобсон. Монофонемизацией (Monophonemization) Пенцл называет изменение сочетания фонем в одну фонему; дифонемизацией (Diphonemization) – изменение, при котором одна фонема превращается в сочетание двух фонем. Фонемная потеря (The Phonemic Loss) – это исчезновение фонемы в некоторых или во всех позициях.

Д. Джоунз [Jones 1967, 233–251] различает 29 видов звуковых изменений („phonemic development“), при этом допускает еще и другие возможности, такие, как замена долготы ударением или тоном, замена ударения долготой или тоном, замена тона долготой или ударением. Фонетические и фонологические изменения здесь никак не разграничиваются. Не делается никакого различия между изменениями как процессами и результатами изменений. Считается, что отдельные фонемы, несмотря на все изменения системы, остаются неизменными. „Фонемы без изменений“ („phonemes remaining unchanged“) в его классификации тоже составляют отдельный тип „фонемного развития“.

Неизменными, по его мнению, с древнего периода остались английские фонемы *p, t, w* или французская *i*.

Л. Р. Зиндер и **Т. В. Строева** считают, что звуковые изменения („фонетические изменения“) бывают двух принципиально различных типов: 1) изменения, которые „происходят в фонетическом облике морфем или слов при сохранении старого состава фонем в языке в целом“; 2) изменения, которые „касаются самого состава фонем и заключаются в том, что возникают ранее отсутствовавшие фонематические противопоставления или же, напротив, исчезают ранее существовавшие“. Иначе они называют этот тип ещё изменениями состава и системы фонем [Зиндер, Строева 1965, 5]. Аналогичная классификация уже была приведена Л. Р. Зиндером раньше, в статье 1957 г. „О звуковых изменениях“ и в книге „Общая фонетика“ Здесь он, с одной стороны, говорит об изменениях в составе фонем данного языка в целом, с другой — об изменениях в фонемном составе слов [Зиндер 1957, 69; 1960, 258—263]. Л. Р. Зиндер в своей статье упоминал еще и третий тип звуковых изменений, „когда состав фонем остается неизменным, а происходит перестройка системы фонем, т. е. изменяются связи между фонемами“. Однако в „Исторической фонетике немецкого языка“ такое изменение классифицируется лишь как отдельный случай изменения состава и системы фонем [см. Зиндер, Строева 1965, 7].

Изменения в фонемном составе слов они не считают подлинно фонемными процессами; таковыми, по их мнению, являются лишь изменения в составе и системе фонем, и лишь к последним применимо понятие звукового закона [Зиндер, Строева, 1965, 6; Зиндер 1957, 77; Зиндер 1960, 259—263]. Поэтому под фонетической (точнее — фонологической) эволюцией языка они понимают в первую очередь изменения состава и системы фонем. В изменениях состава и системы фонем ими различаются, с одной стороны, количественные изменения, с другой — изменения системы [Зиндер, Строева 1965, 6—7]. Среди количественных изменений различаются три вида: „1) расщепление одной фонемы на две, т.е. превращение вариантов одной фонемы в две противопоставленные друг другу фонемы; 2) слияние двух фонем в одну, т.е. превращение двух самостоятельных фонем в два варианта одной фонемы; 3) монофонемизация сочетания фонем, т.е. возникновение одной фонемы из сочетания двух или нескольких фонем“ [Зиндер, Строева 1965, 7]. Под изменением системы подразумевается „возникновение новых связей или утрата старых“. Изменения в системе, как считается, происходят при любом количественном изменении. Изменения системы считаются возможными также вследствие изменения какого-нибудь дифференциального признака, причем состав фонем остается неизменным.

М. И. Стеблин-Каменский классифицирует звуковые изменения на аллофонные (или субфонемные) и фонемные, а последние – на синтагматические и парадигматические [Стеблин-Каменский 1966, 8 – 16]. Аллофонное изменение определяется как „физическое изменение звука речи“ [стр. 9], как „изменение в реализации фонемы, или изменение аллофона этой фонемы“ [стр. 8]; как „изменение в аллофоническом варьировании фонемы, появление у нее нового аллофона или исчезновение старого“ [стр. 9]. Синтагматические фонемные изменения определяются как изменения в фонемном составе отдельных слов [стр. 12]. Парадигматическое фонемное изменение – „это изменение в общем составе фонем в языке, т. е. возникновение новых фонем или исчезновение старых фонем“ [стр. 13]. М. И. Стеблин-Каменский установил, как возникновение или исчезновение фонем соотносится с изменениями различительных признаков. Он пишет, что возникновение новой фонемы может быть вместе с тем возникновением нового различительного признака, новым сочетанием различительных признаков, или сменой различительных признаков; исчезновение фонем – это исчезновение различительных признаков или определенных сочетаний различительных признаков [стр. 13–14]. Указание М. И. Стеблин-Каменского, что „всякое парадигматическое фонемное изменение – это изменение либо в составе различительных признаков, либо в их распределении“ [стр. 14], является принципиально новым определением парадигматических изменений.

Приведенная классификация в наиболее полном виде дана М. И. Стеблин-Каменским в „Очерках по диахронической фонологии скандинавских языков“, хотя разработана она была еще в 50-ых годах. В связи с этим хочется напомнить сообщение М. И. Стеблин-Каменского „Что такое „умлаут“?“ на Первой научной сессии по вопросам германского языкознания в 1956 г. [Стеблин-Каменский 1959]. Он обращал внимание на то, что в германистике одним и тем же термином „умлаут“ называют принципиально разные, хотя и взаимосвязанные явления: 1) варьирование гласной фонемы, обусловленное регрессивной ассимиляцией гласных, причем отмечалось, что возникновение или исчезновение такого варьирования – явление диахроническое; 2) возникновение новой гласной фонемы из позиционного варианта, обусловленного регрессивной ассимиляцией гласных; 3) перераспределение гласных фонем, или изменение фонемного состава слов; 4) возникновение грамматических чередований гласных, сопровождающее перераспределение гласных фонем; 5) сами эти чередования. Тем самым уже тогда были указаны и основные типы звуковых изменений вообще [см. также Steblin-Kamenskij 1960].

Вряд ли можно считать фонологическими классификации, подобные той, какую привел Джоунз. Классификация Джоунза скорее напоминает классификации исторической фонетики. Крайне непоследовательна и классификация Пенцла. Другие же классификации, подобные тем, которые были здесь приведены, при всех своих различиях имеют и много общего. Во многом они дополняют друг друга. Поэтому на основании критического обобщения имеющихся классификаций и исходя, в первую очередь, из классификации М. И. Стеблин-Каменского, можно предложить несколько более дифференцированную классификацию звуковых изменений. В соответствии с разграничением фонетического и фонологического уровней в звуковой системе языка, в первую очередь следует различать фонетические и фонологические изменения.

Фонетические изменения.

Фонетическое изменение — это, прежде всего, изменение реализации фонем. Фонетические реализации фонем — это определенные, для каждого языка типичные звуковые модели. Однако здесь может возникнуть вопрос, согласуется ли такое представление о фонетической реализации фонем с широко наблюдаемым варьированием произношения. Указание на то, что такое варьирование имеется, отнюдь не принадлежит к открытиям современного языкознания. О варьировании говорил, например, Сиверс [ср. Sievers 1901, § 733]. Правда, он считал, что таким языкам, как индоевропейские, в общем свойственна точность произношения; большая неопределенность в этом обнаруживается, по его мнению, лишь в „экзотических“ языках. Интересно сопоставить его мнение с мнением Стертеванта, который варьирование считал возможным лишь в языке цивилизованного общества и исключал возможность всякого индивидуального варьирования в языке малоразвитого общества [Sturtevant 1962, 27]. Однако Есперсен еще в 1904 г. писал, что звуковое варьирование обнаруживается во всех языках [Jespersen 1933, 195 — 197]. Вопросу фонетического и вообще языкового и речевого варьирования Матезиус посвятил в 1911 г. целое исследование „О потенциальности языковых явлений“, которое по праву считается предвестником структурной лингвистики [Матезиус 1967, 42 — 69]. В современном языкознании варьирование, в том числе и фонетическое, является общепризнанным фактом и служит предметом разносторонних исследований. Прежде всего, реализации фонем могут варьировать в зависимости от территориального диалекта. В этом отношении очень показательны диалектальные реализации английских неусеченных гласных. Джоунз, например, о реализации дифтонга /ou/ пишет следующее: „Обычным звуком является дифтон-

гическое *oi*, но у некоторых говорящих первый элемент уже, у других — шире. У некоторых, особенно на севере Англии, *o* приближается к французскому или немецкому *o*; на юге этот звук более открыт и менее огублен; в лондонском диалекте дифтонг по сути дела является *li* или *ai*“ [Jones 1966 (1), 31; ср. также Jones 1966 (2), 54—56]. Та же самая фонема может по-разному реализоваться в зависимости от социального диалекта. Примеры легко найти в современных языках. Так, в шведском /a:/ обычно произносится как велярный гласный, однако в произношении определенной группы „интеллектуалов“ эта фонема реализуется как сильно палатализованный звук [Hammarström 1965, 337]. Но даже и в речи представителей одной языковой группы (территориального диалекта, социальной группы) реализация фонем широко варьируется. Не так трудно заметить, что реализация фонем меняется от индивида к индивиду, так как она не может не зависеть от физиологического строения органов речи, разного у мужчин и женщин, у детей и взрослых, разного, по сути дела, у каждого индивида. Особенно бросающимися в глаза могут быть различия в произношении младшего и старшего поколений. Реализация фонем может быть обусловлена стилистически [ср. Трубецкой 1960, 30—35]. Например, при эмпазе звуки могут подвергаться удлинению, сужению или расширению. Фонетисты также обнаруживают случаи свободного варьирования звуков. Как пример часто указывается единственная латеральная согласная фонема в японском языке, которая реализуется то как [ɸ], то как [f], причем оба звука употребляются абсолютно безвыборочно и, по-видимому, наугад [Jones 1966 (1), 31—32]. Джоунз такие звуки называл варифоном (*variphone*). И, что самое главное, реализация фонемы зависит от позиции. Звуки, в которых фонема реализуется в определенных позициях, принято, как известно, называть аллофонами (позиционными вариантами).

Звуковое варьирование, однако, каким бы широким оно ни казалось, остается дискретным [ср. Stockwell 1969, 231]. Другими словами, в каждом языке устанавливаются определенные звуковые модели реализации фонем, допускающие и подразумевающие индивидуальные, диалектальные, стилистические, аллофонные варьирования. Конечно, не так легко и вряд ли возможно дать точную физическую характеристику такой звуковой модели. Но эта модель может быть описана как некоторая совокупность психологически дискретных артикуляционных или акустических признаков, как дистинктивных, так и недистинктивных. Характер модели в первую очередь зависит от дистинктивных признаков. Но недистинктивные признаки здесь также играют большую роль. Прежде всего, в фонетической реализации фонем часто можно заметить взаимосвязанность некоторых дистинктивных признаков с определенными недистинктивными признаками. Например, известно, что количественным

противопоставлениям гласных неотделимо сопутствуют различия качественного характера. Фонологически долгий гласный может быть не просто длиннее своего краткого коррелята, но и отличаться от него более закрытой и напряженной артикуляцией. Наряду с этим реализация фонем содержит недистинктивные признаки, которые независимы от дистинктивных. Некоторые из таких признаков характерны для реализации фонем лишь в определенных позициях. Например, в таких языках, как чешский, итальянский или литовский, /p/ перед /kɡ/ реализуется с признаком дорсальной артикуляции, т.е. как [ɲ], в других положениях — без такого признака, т.е. как [p]. Иначе можно было бы сказать, что /p/ в этих языках реализуется в дорсальном и недорсальном аллофонах или что в реализации этой фонемы можно выделить дорсальный и недорсальный аллофоны. Здесь термин „аллофон“ употребляется в строгом значении, т.е. как обозначающий по бинарному принципу выделенные позиционные реализации фонем. В терминологии дескриптивной лингвистики аллофон чаще всего определяется как член класса звуков (или звуковых типов), образующих одну фонему [см. Хэмп 1964, 35]. В употреблении некоторых дескриптивистов аллофон означает просто звук. Поэтому Харрис и находит возможным говорить о „разделении аллофона на две фонемы“, например, [č] = /tʃ/ [Harris 1957, 127]. В таком свободном употреблении аллофон как термин теряет свое значение [ср. Крупаткин 1969; 1971]. В ранней функциональной лингвистике употреблялся термин комбинаторный вариант фонемы [см. Вахек 1964, 42, статью „Варианты фонем комбинаторные“]. Такой термин нельзя считать удачным: фонема, понимаемая как пучок дистинктивных признаков, инвариантна; можно говорить лишь о вариантах реализации фонем. И все-таки в функциональной лингвистике понятие аллофона отличается большей научной точностью. Здесь со всей ясностью подчеркивается, что „позиционные варианты — это не модификации фонемы, а ее звуковые реализации, обусловленные соседством с другими звуками“ [там же]. В равной мере подчеркивается комплементарная дистрибуция аллофонов. Особенно четко определяет аллофон Трнка: „Звуки, в которых фонема реализуется в отдельных позициях, называются позиционными вариантами (или аллофонами)“ [Trnka 1968, 5]. Для нас особенно важно то, что Трнка яснее, чем кто-нибудь другой, указал на бинарный принцип выделения аллофонов: в его трактовке аллофоны — это не просто совокупность реализаций фонемы в разных позициях, а лишь два типа реализаций, отличающихся каким-нибудь недистинктивным признаком — местом артикуляции, наличием или отсутствием голоса, количеством и т.п. Трнка ясно указал, что аллофоны отличаются теми же самыми признаками, по которым могут различаться фонемы. Более того, он еще в 30-ые годы обратил внимание на то, что аллофоны некоторых фонем выделяются по

признакам, которые дистинктивны для некоторых других фонем [Trnka 1939, 26–27]. Например, в древнеанглийском фрикативные имели глухие и звонкие аллофоны: [f] – [v], [θ] – [ð], [s] – [z], [x] – [ɣ]. Здесь аллофонное варьирование фрикативных как будто повторяло фонологическое противопоставление смычных по голосу: /p/ – /b/, /t/ – /d/, /k/ – /g/ [Trnka 1968, 5]. Так образуется своеобразная аллофонная корреляция: ряд звонких аллофонов [v ð z ɣ] противопоставит ряду глухих [f θ s x]. Системный принцип помогает классифицировать фонемы по фонемам. Например, в древнеанглийском крайне проблематичной представляется фонемная принадлежность фонем [h x x' ʒ (ɣ)]. Так Вахек [Vachek 1965, 561–563], по-видимому, имея в виду древнеанглийский период, говорит о h/x-фонеме и g/ʒ-фонеме, причем отмечает, что в течение древнеанглийского периода [ʒ] стало отдельной фонемой. Однако если исходить из аллофонов других фрикативных ([f] – [v], [θ] – [ð], [s] – [z]), фонемная принадлежность [h x x' ʒ] становится почти очевидной: [h x x'] следует группировать как глухой, а [ʒ] – как звонкий аллофон той же самой дорсальной фрикативной фонемы (ее можно обозначать /h/). Дополнительная дистрибуция этих звуков хорошо вяжется с такой трактовкой.

В связи с этим для более полной характеристики звуковой модели нужно затронуть и другой важный вопрос – функциональное значение недистинктивных признаков. Когда создавалась фонологическая теория, ученые были склонны пренебречь недистинктивными признаками. Это, в частности, отразилось в терминологии функциональной лингвистики конца 20-х и начала 30-х годов, где „фонемные варианты“ Якобсоном и Трубецким были названы „экстрафонологическими“ явлениями [Vachek 1968, 8]. Такое отношение к недистинктивным признакам, на первый взгляд, хорошо вязалось с понятием фонемы как пучка дистинктивных признаков и как будто подтверждалось тем, что аллофоны говорящими обычно не осознаются и фонема во всех своих реализациях воспринимается как тождественная единица. Правда, даже Трубецкой и Якобсон признавали некоторую функциональную релевантность за „комбинаторными вариантами“ [Булыгина 1964, 68–69; Трубецкой 1960, 316]. Структурную и функциональную значимость недистинктивных признаков хорошо понимали такие ученые, как Ван-Вейк (N. van Wijk) и Гроот [Vachek 1968, 8–9, 12]. Роль недистинктивных признаков для понимания слова всячески подчеркивал С. И. Бернштейн, указывая, что нормальное понимание обеспечивается лишь при принятой расстановке аллофонов [Бернштейн 1937, 24–28]. Целый ряд опытов над ролью недистинктивных признаков был поставлен под руководством Л. Р. Зиндера, во многом исходившего, как можно предполагать, из учения С. И. Бернштейна [ср. Зиндер 1970]. Здесь, однако, не следует упускать из виду, что активную различительную

функцию выполняют лишь дистинктивные признаки, в то время как недистинктивные в словоразличении играют лишь пассивную роль. Другими словами, говорящие воспринимают не наличие, а лишь отсутствие нужных недистинктивных признаков, что обычно случается при несовершенной имитации звуковой модели детьми или иностранцами, при сопоставлении своей речи с речью представителей других диалектов или социальных групп и т.п. [ср. Stockwell 1969, 232].

Если реализации фонем могут быть описаны как модели, состоящие из дистинктивных и некоторого числа недистинктивных признаков, то и изменения реализаций могут быть описаны через признаки, как дистинктивные, так и недистинктивные. В звуковых моделях можно наблюдать возникновение новых признаков и исчезновение старых. Например, когда в английских диалектах приблизительно в XIII в. произошло изменение [a:] > [ɔ:], здесь можно говорить о появлении признака огубленности. При общегерманском передвижении согласных изменение серии [bh dh gh] в [b/v d/ð g/ð] означало, среди прочего, исчезновение признака придыхания; равным образом изменение [b d g] > [p t k] означало исчезновение голоса. Когда новый признак появляется как бы взамен старого, можно говорить о смене признаков. Например, изменение индоевропейских [p t k] в германские [f θ x] может быть фонетически охарактеризовано как смена признака смычности признаком фрикативности. Совершенно ясно, что исчезновение и возникновение признаков тоже легко могут быть описаны как субституции: исчезновение признака может быть представлено как смена определенного признака со знаком плюс тем же признаком со знаком минус, а возникновение признака — как смена признака со знаком минус тем же признаком со знаком плюс.

Среди фонетических изменений особенно стоит выделить аллофонные изменения — появления или исчезновения аллофонов, изменения в их комбинаторной дистрибуции.

Фонетические изменения можно рассматривать с точки зрения не только реализации отдельных фонем, но и фонетических моделей морфем и слов данного языка. О наличии таких моделей говорил еще С. И. Бернштейн [ср. Бернштейн 1937, 26–27]. Изменения внутри фонетической модели слов и морфем можно свести к следующим основным типам:

1) звуковые добавления (эпентеза); 2) звуковые исчезновения (элизия); 3) звуковые субституции; 4) звуковые перестановки (метатеза).

Вот несколько примеров. В среднеанглийской форме *on*, *oon* [ɔ:n] „один“ появился протетический звук [w] [wɔ:n]; ср. совр. англ. *one* [wʌn].

В среднеанглийском начальное [h] исчезло во всех словах, в которых оно находилось перед [nɪŋ], например, др. англ. *hlūd* „громкий“ > ср. англ. *loud*

[lu:d], *hnutu* „орех“ > *nute*, *hring* „кольцо“ > *ring*. Среднеанглийское [g] исчезло после [ŋ] в таких словах, как *long* „длинный“.

В средневерхненемецкой форме *was* „был“ произошла замена [s] на [r] (*was* > *war*) по аналогии с формой множественного числа. Когда в английском произошла делабиализация передних огубленных гласных, [y] в таких словах, как *gylt* „вина“, было заменено [i] или [e]: др. англ. *gylt* > ср. англ. *gilt*, *gelt*. Когда в праанглийском (или даже в еще более ранний период) фонема /u/ стала реализоваться в переднем и заднем аллофонах ([y] перед /i j/, [u] – в остальных позициях), звук [u] в таких формах, как герм. **gultiz* „вина“ или **fulljan* „наполнять“, был заменен звуком [y].

Примером метатезы может служить изменение др. англ. *ðridda* > *ðirda* „третий“.

Синтагматические фонологические изменения

Фонологические изменения, в первую очередь, следует подразделять на синтагматические и парадигматические. Синтагматические фонологические изменения иначе могут быть названы морфонологическими. Но здесь необходимо точнее определить саму морфологию, так как этот термин понимается по-разному. Как известно, термин „морфонология“ был введен Н. С. Трубецким, который наряду с Карцевским и Матезиусом является основоположником морфонологии. Трубецкой считал составными частями фонологической системы 1) фонологию слова (*Wortphonologie*), в свою очередь распадающуюся на лексическую и морфологическую фонологию, и 2) фонологию предложения (*Satzphonologie*) [Trubetzkoy 1966, 33]. Перед лексической, или общей, фонологией слова ставятся следующие задачи: 1) построение фонологической системы и исследование ее структуры; 2) исследование правил встречаемости фонем и фонемных сочетаний; 3) статистическое исследование семантической нагрузки отдельных фонологических противопоставлений; 4) статистическое исследование частотности отдельных фонем и фонемных сочетаний [Trubetzkoy 1966, 33]. Перед морфологической фонологией слова, или морфонологией, Трубецкой ставит три задачи: 1) исследование фонологической структуры морфем; 2) исследование комбинаторных звуковых изменений, претерпеваемых морфемами в морфемных сочетаниях; 3) исследование серий звуковых чередований (*Lautwechselreihen*), выполняющих морфологическую функцию [Uhlenbeck 1966, 249; Трубецкой 1967, 116–117].

Соответственно с этим и в „Проекте стандартизированной фонологической терминологии“ морфонология была определена как „раздел фонологии слова, посвященная изучению фонологической структуры морфем“ [см. Вахек 1964,

124 – 125, статью „Морфонология“]. Более исчерпывающим было бы определение морфонологии как раздела фонологии, изучающего фонологическое строение морфем и слов. Если быть последовательным, то такие вопросы, как исследование правил встречаемости фонем и фонемных сочетаний, исследование фонологической нагрузки отдельных фонемных противопоставлений, а также исследование частотности фонем и фонемных сочетаний, относимые Трубецким к сфере „лексической“ фонологии слова, следует включить в сферу морфонологии. Несмотря на свой более общий характер, эти вопросы имеют непосредственное отношение к проблеме фонологического строения морфем и слов. Морфонология, понимаемая в вышеуказанном смысле, вполне отождествима с фонологической синтагматикой. Кстати, „построение фонологической системы и исследование ее структуры“ означает не что иное, как фонологическую парадигматику.

К синтагматическим (морфонологическим) изменениям в первую очередь следует отнести дистрибуционные изменения в фонемном составе морфем и слов. Это могут быть изменения как в количестве фонем, так и в их следовании. Здесь можно различать фонемные добавления, исчезновения, субституции и перестановки.

Изменение среднеанглийской формы *on, oon* /ɔ:n/ в /wɔ:n/ было добавлением фонемы /w/.

Исчезновение фонемы /h/ произошло в среднеанглийском в словах типа др. англ. *hlūd* /hlu:d/ > ср. англ. *loud* /lu:d/; *hring* /hriŋg/ > *ring* /riŋ/. В последней форме произошла также замена фонемного сочетания /ng/ фонемой /ŋ/. Данный случай показывает, что субституции (как фонетические, так и фонемные) могут происходить не только при соотношении один к одному; одинаково возможна замена двух фонем одной или, наоборот, замена одной фонемы двумя другими. Например, когда произошла монофтонгизация древнеанглийских дифтонгов, дифтонг /ea:/ в таких формах, как *ēare* „ухо“, *deād* „мертвый“ был заменен монофтонгом /æ:/ : /ea:re/ > /æ:re/, /deɑ:d/ > /dæ:d/. В кентском, однако, /ea:/ в таких формах расщепилось на бифонемное сочетание /jæ:/. Другими словами, здесь произошла замена одной фонемы двумя: /ea:re/ > /jæ:re/, /deɑ:d/ > /djæ:d/.

Когда в праанглийских формах типа **fulljan* [fulljan] фонема /u/ стала реализоваться в переднем аллофоне [y], то никаких фонемных изменений здесь не произошло. Однако с установлением фонологической оппозиции /u/ – /y/ фонема /u/ была заменена фонемой /y:/: /fulljan/ > /fyllan/.

При метатезе в др. англ. *ðridda* > *ðirda* произошло изменение в следовании фонем /r/ и /i/.

Наибольший интерес среди синтагматических изменений представляют различные дистрибуционные фонотактические изменения: изменения в правилах встречаемости фонем, нейтрализации и слогаделения.

Фонотактика составляет важный элемент фонологической системы языка. Среди первых работ в исследовании фонемных сочетаний можно упомянуть работы Сепира, Есперсена, Трнки, Трубецкого, Ван-Гиннекена (J.J. van Ginneken), Крейзинги (E. Krusinga), Сводеша и др. Сепир еще в 1925 г. в работе „Звуковые модели английского языка“ („Sound Patterns in English“) подчеркнул то большое значение, которое для языка имеют модели фонемных сочетаний [см. Sapir 1957, 19–25]. Есперсен в 1928 г. в своей лекции „Моносиллабизм в английском“ („Monosyllabism in English“) указал, какие английские одиночные согласные и группы согласных возможны в начальных и конечных положениях, отметил ограничения в дистрибуции некоторых фонем (например, невозможность для так называемых кратких гласных английского языка находиться в открытом слоге), изменчивость правил сочетаемости и идиосинкретизм языков в отношении этих правил [Jespersen 1933, 384–408]. Исчерпывающий анализ фонемных сочетаний английского языка дал Трнка в своей книге „Фонологический анализ современного литературного английского языка“ [Trnka 1968, 36 и сл.]. Определенное место правилам дистрибуции и сочетаниям фонем отвел в своей книге Блумфилд 1968, 133–141]. Сводеш в 1934 г. в статье „Фонемный принцип“ тоже писал об ограничениях в дистрибуции фонем. В качестве примеров он привел некоторые начальные сочетания согласных, которые встречаются в одних языках, но недопустимы в других [Swadesh 1957, 32–37]. Трубецкой ставит проблему уже в более широком плане. Согласно его трактовке, употребление фонем и фонемных сочетаний подвержено ограничениям тройного рода: ограничения могут касаться фонемных сочетаний, встречаемости отдельных фонем или использования фонологических противопоставлений [Trubetzkoy 1966, 34 и сл.]. Трубецкой считал, что некоторые из ограничений могут иметь важные последствия для самой фонологической системы, точнее – парадигматики. Недопустимость каких-нибудь фонемных сочетаний не может отразиться на общем составе фонем или на содержании отдельных фонем. Недопустимость какой-нибудь изолированной фонемы в определенной позиции также не меняет содержания отдельных фонем. Однако снятие („нейтрализации“) в определенной позиции фонологического противопоставления уже меняет, по мнению Трубецкого, и само содержание фонемы в этой позиции. Так, во многих языках звонкие и глухие шумные фонологически противопоставляются лишь перед гласными и сонорными, перед другими шумными их распределение регулируется механически: глухой перед глухим, звонкий перед звонким.

Другими словами, с точки зрения голоса эти фонемы здесь нейтрализуются. Сходным образом могут нейтрализоваться противопоставления по аспирации, количеству, месту артикуляции и т.п. Так возникающие нейтрализованные фонемы считаются особыми, „архифонемами“. Интерпретация фонем в положении нейтрализации как особых единиц представляется спорной. Это явное смещение фактов синтагматики и парадигматики. Тем не менее учение о нейтрализации в развитии фонологии сыграло немаловажную роль. Трубецкой сумел глубже раскрыть механизм различения фонем, указав на различное использование дистинктивных признаков в зависимости от позиции. Недопустимость в определенных позициях некоторых фонем приводит к тому, что те фонемы, которые в этих позициях встречаются, используют все дистинктивные признаки „не в полную силу“. Под нейтрализацией мы и будем понимать лишь такую позиционную избыточность дистинктивных признаков. В этом отношении очень поучительна практика генеративной фонологии. Как и в классической фонологии, фонема в генеративной фонологии определяется как пучок дистинктивных признаков. Разница лишь в том, что в генеративной фонологии число указываемых дистинктивных признаков для одной и той же фонемы может быть разным в зависимости от позиции. Так для /s/ в /sin/ дается примерно в пять раз больше характеристик по дистинктивным признакам, чем для /s/ в /spin/, так как в современном английском в начале слова перед шумным возможно лишь /s/ [ср. Harris 1968, 2]. В случае /spin/ можно сказать, что такие признаки, как фрикативность, голос или передненебность для /s/ нейтрализованы.

Кроме изменений в правилах встречаемости фонем и изменений в правилах нейтрализации противопоставлений, к фонотактическим изменениям, как уже упоминалось, следует отнести также слоговые изменения, если, конечно, само понимание слога будет лингвистическим и фонотактическим. Лингвистическое понимание слога характерно для таких ученых, как Хауген (E. Haugen), Палгрэм (E. Pulgram), Вайнрих (H. Weinrich), Кучера (H. Kučera) и др. [Pulgram 1970, 20, 41]. В данном случае слог определяется как некоторая повторяющаяся элементарная последовательность фонем, исследование которого, таким образом, должно быть отнесено в область фонотактики или просто фонемной дистрибуции.

В качестве последнего здесь можно упомянуть изменения частотности фонем и фонемных сочетаний.

Парадигматические фонологические изменения

Как и М. И. Стеблин-Каменский, мы будем определять парадигматические фонологические изменения как изменения, затрагивающие дистинктивные признаки фонем. Это может быть возникновение новых дистинктивных

признаков и исчезновение старых, смена дистинктивных признаков, возникновение и исчезновение определенных сочетаний дистинктивных признаков. Изменения дистинктивных признаков взаимосвязаны с изменениями фонологических оппозиций и тем самым фонем. Это может быть возникновение новых оппозиций, исчезновение старых и, как особый случай, смена оппозиций. Исчезновение оппозиций одновременно означает и исчезновение фонем. Возникновение фонем связано с возникновением и сменой оппозиций, а также, в определенной степени, и с исчезновением оппозиций. Например, когда в английском $/y(:) \delta(:)/$ слились с $/i(:) e(:)/$, то содержание последних изменилось: раньше они определялись признаками „передние“ и „неогубленные“, теперь же лишь признаком „передние“, по которому они противопоставлялись $/u(:) o(:)/$. Через изменения оппозиций и фонем изменения дистинктивных признаков взаимосвязаны с корреляционными изменениями: возникновением и исчезновением корреляций, их сменой, а также их развертыванием или сужением. Например, когда в среднеанглийском установилось фонологическое противопоставление звонких и глухих фрикативных ($/f/ - /v/$, $/\theta/ - /ð/$, $/s/ - /z/$), то на это нужно смотреть как на развертывание корреляции по голосу: если раньше противопоставление по голосу было характерно лишь для смычных, то сейчас оно охватило и фрикативные. Когда в английском возникла фонема $/ʒ/$, корреляция по голосу еще больше расширилась, так как стало больше пар коррелирующих по голосу фрикативных ($/f/ - /v/$, $/\theta/ - /ð/$, $/s/ - /z/$, $/ʃ/ - /ʒ/$). И, наоборот, исчезновение оппозиции $/æ/ - /a/$ в раннем среднеанглийском означало сужение корреляции гласных по положению языка.

[Окончание в XXVI(3) номере журнала].

Л и т е р а т у р а

Бернштейн С. И. 1937. Вопросы обучения произношению. М.

Блумфилд Л. 1968. Язык. М.

Булыгина Т. В. 1964. Пражская лингвистическая школа. — Сб.: Основные направления структурализма. М., 46—126.

Вахек Й. 1964. Лингвистический словарь пражской школы. М.

Звегинцев В. А. 1960. История языкознания XIX и XX веков в очерках и извлечениях, часть I. М.

Зиндер Л. Р. 1957. О звуковых изменениях. — Вопросы языкознания, 1971, 2, 69—77.

Зиндер Л. Р. 1960. [Общая фонетика. Л.

Зиндер Л. Р. 1970. Фонема и восприятие. — Proceedings of the Sixth International Congress of Phonetic Sciences. Prague, 1071—1073.

Зиндер Л. Р., Строева Т. В. 1965. Историческая фонетика немецкого языка. М.—Л.

Крупаткин Я. Б. 1969. Об аллофонических реконструкциях.—Вопросы языкознания, 1969, 4, 35—44.

Крупаткин Я. Б. 1971. Фонологический вариант фонемы и несмыслоразли-

- чительные оппозиции. — Вопросы языкознания, 1971, 3, 49—59.
- Мартине А. 1960. Принцип экономии в фонетических изменениях. М.
- Матезиус В. 1967. О потенциальности языковых явлений. — Сб.: Пражский лингвистический кружок. М., 42—69.
- Поливанов Е. Д. 1968. Статьи по общему языкознанию. М.
- Де Соссюр Ф. 1933. Курс общей лингвистики. М.
- Стеблин-Каменский М. И. 1959. Что такое „умлаут“? — Материалы Первой научной сессии по вопросам германского языкознания. М., 52—63.
- Стеблин-Каменский М. И. 1966. Очерки по диахронической фонологии скандинавских языков. Л.
- Трубецкой Н. С. 1960. Основы фонологии. М.
- Трубецкой Н. С. 1967. Некоторые соображения относительно морфонологии. — Сб.: Пражский лингвистический кружок. М., 115—118.
- Хэмп Э. 1964. Словарь американской лингвистической терминологии. М.
- Шухардт Г. 1950. Избранные статьи по языкознанию. М.
- Якобсон Р., Фант Г. М. и Халле М. 1962. Введение в анализ речи. — Новое в лингвистике, вып. II, 173—230.
- Якобсон Р. и Халле М. 1962. Фонология и ее отношение к фонетике. — Новое в лингвистике, вып. II, 231—278.
- Actes du Deuxième Congrès international de linguistes, 1933. Paris.
- Allen W. S. 1953. Relationship in Comparative Linguistics. — TPS 1953, 52—108.
- Collinge N. E. 1956. The Limitations of Historical Phonology. — Archivum Linguisticum, vol. 8, fasc. 2, 111—128.
- Ellis A. J. 1869. On Early English Pronunciation, Part I. London.
- Fries C. C. 1946. Advances in Linguistics. — Readings... 1964, 34—36.
- Galton H. 1954. Is the Phonological System a Reality? — Archivum Linguisticum, vol. 6, fasc. 1, 20—30.
- de Groot A. W. 1948. Structural Linguistics and Phonetic Law. — Lingua, vol. I. 175—208.
- Grosse R. 1970. Zur Frage nach den Ursachen der Dialektgrenzen. — Actes du Xe Congrès international des linguistes, vol. II. Bucarest, 67—71.
- Halle M. 1957. In defense of the number two. — Studies Presented to Joshua Whatmough. Edited by Ernst Pulgram. The Hague, 65—72.
- Halle M. 1964. On the Bases of Phonology. — J. Fodor, and J. J. Katz (ed.). The Structure of Language: Readings in the Philosophy of Language. Englewood Cliffs, N. J., 324—333.
- Hammarström G. 1965. Können Lautveränderungen erklärt werden? — Proceedings... 1965, 336—338.
- Harms R. T. 1968. Introduction to Phonological Theory. Englewood Cliffs, N. J.
- Harris Z. S. 1957. Simultaneous Components in Phonology. — Readings 1957, 124—138.
- Hermann E. 1931. Lautgesetz und Analogie. Berlin.
- Hockett C. F. 1965. Sound Change. — Language, vol. 41, 185—205.
- Hockett C. F. 1967. A Course in Modern Linguistics. N. Y.
- Jakobson R. 1962. Selected Writings, I: Phonological Studies. The Hague.
- Jakobson R. 1971. Selected Writings, II. The Hague.
- Jespersen O. 1933. Linguistica. Copenhagen.
- Jespersen O. 1949. Language. London.
- Jones D. 1966(1). The Theory of Phonemes, and Its Importance in Practical Linguistics. — Readings... 1966, 31—32.
- Jones D. 1966 (2). The Pronunciation of English. Cambridge.
- Jones D. 1967. The Phoneme. Cambridge.

Lehmann W. P. 1964. Types of Sound Change. — Proceedings of the Ninth International Congress of Linguists. The Hague, 658—662.

Lehmann W. P. 1968. Saussure's Dichotomy between Descriptive and Historical Linguistics. — Directions for Historical Linguistics. A Symposium. Edited by W. P. Lehmann and Yakov Malkiel. Austin, 3—20.

Leskien A. 1876. Die Declination im Slavisch-Litauischen und Germanischen. Leipzig.

Mc Millan J. B. 1964. Summary of Nineteenth Century Historical and Comparative Linguistics. — Readings... 1964, 31—36.

Osthoff H. and Brugmann K. 1878. Morphologische Untersuchungen auf dem Gebiete der indogermanischen Sprachen, I. Leipzig.

Penzl H. 1957. The Evidence for Phonemic Changes. — [Studies Presented to Joshua Whatmough. Edited by Ernst Pulgram. The Hague, 193—208.

Percival W. K. 1970. Rasmus Rask and the Criteria for Genetic Relationship. — Actes du Xe Congrès international des linguistes, vol. II. Bucarest, 261—266.

Proceedings of the Fifth International Congress of Phonetic Sciences. 1965, Basel.

Pulgram E. 1970. Phonological Units: Syllable, Word, Nexus, Cursus. The Hague.

Readings in Linguistics, I, 1957. Fourth Edition. Edited by Martin Joos. Chicago.

Readings in Applied English Linguistics, 1964. Second Edition. Edited by Harold Byron Allen. N. Y.

Readings in Linguistics, II, 1966. Edited by Erick P. Hamp, Fred W. Householder and Robert Austerlitz. Chicago.

Rogger K. 1934. Vom Wesen des Lautwandels. Leipzig.

Sapir E. 1957. Sound Patterns in Language. — Readings... 1957, 19—25.

Sievers E. 1901. Grundzüge der Phonetik. Leipzig.

Steblin-Kamenskij M. J. 1960. Three Types of Sound Change. — Philologica Pragensia, III, 1, 193—197.

Vilniaus Valstybinis V. Kapsuko universitetas

Anglų filologijos katedra

Stockwell R. P. 1969. Mirrors in the History of English Pronunciation. — R. Lass. Approaches to English Historical Linguistics. N. Y., 228—245.

Sturtevant E. H. 1962. Linguistic Change. Chicago.

Swadesh M. 1957. The Phonemic Principle. — Readings... 1957, 32—37.

Trnka B. 1939. On the Combinatory Variants and Neutralization of Phonemes. — Proceedings of the Third International Congress of Phonetic Sciences in Ghent. Ghent, 25—27.

Trnka B. 1968. A Phonological Analysis of Present-Day Standard English. University, Alabama.

Trubetzkoy N. S. 1966. Charakter und Methode der systematischen phonologischen Darstellung einer gegebenen Sprache. — Readings... 1966, 33—37.

Uhlenbeck E. M. 1966. The Structure of Javene Morpheme. — Readings... 1966, 248—270.

Vachek J. 1965. On Peripheral Phonemes. — Proceedings... 1965, 561—563.

Vachek J. 1966. The Linguistic School of Prague. Bloomington.

Vachek J. 1967. The Non-Static Aspect of the Synchronically Studied Phonological System. — Phonologie der Gegenwart. Herausgegeben von Josef Hamm. Graz, Wien, Köln, 79—87.

Vachek J. 1968. Dutch Linguists and the Prague Linguistic School. Leiden.

Von Wartburg W. 1939. Betrachtungen über das Verhältnis von historischen und deskriptiver Sprachwissenschaft. — Mélanges de linguistique offerts à Charles Bally. Genève, 3—19.

Wechssler E. 1900. Gibt es Lautgesetze? — Forschungen zur Romanischen Philologie. Festgabe für Hermann Suchier. Halle, 349—538.

Weinreich U., Labov W. and Herzog M. J., 1968. Empirical Foundation for a Theory of Language Change. — Directions for Historical Linguistics. A Symposium. Edited by W. P. Lehmann and Yakov Malkiel. Austin, 95—188.

Iteikta
1972 m. spalio mėn.